

Он был настолько уверен в своих словах, что Сюй Танчэнь также не мог его подвести. В результате самой большой проблемой оказалось то, что лапша получилась пресной.

Это была стратегия Сюй Танчэня. Если он добавит мало соли, то ещё успеет спасти ситуацию. А вот если соли окажется много, то он не сможет добавить воды в подливку.

Молодой человек взял соль с кухни и подсыпал ещё немного, дав попробовать И Чжэ. Тот поймал несколько кусочков яиц палочками и положил на язык.

— Теперь достаточно? — Сюй Танчэнь внимательно изучал выражение его лица. — Или добавить ещё?

— Думаю, хватит. Есть солоноватый привкус.

Когда они собрались есть, И Чжэ встал и включил телевизор, выбрав случайный канал. Сюй Танчэнь взглянул на экран. Это была молодежная дорама об айдолах.

— Тебе нравится это смотреть? — спросил он И Чжэ, слабовато в это веря.

— Не-а, — И Чжэ сел обратно и взял палочку. — Я просто хочу, чтобы на фоне что-нибудь было.

Когда он в прошлом смотрел дорамы, самыми интересными И Чжэ всегда казались сцены такого типа: ужин с семьёй, по телевизору транслируют программу, на которую никто не обращает внимания. И Чжэ не знал, почему, но, впервые увидев по телевидению, как семья ест подобным образом, он почувствовал: это так по-домашнему.

Ужин на день рождения вышел обычным и незамысловатым. Потакая прихоти И Чжэ, они даже не купили торт. Даже лапша не была вкусной, заставляя Сюй Танчэня испытывать сожаление и думать о том, что ему следует как-нибудь позвать И Чжэ на нормальный ужин. Но у парня разыгрался аппетит, и он довольно быстро опустошил свою большую тарелку. Видя, что порция Сюй Танчэня осталась практически нетронутой, он сказал:

— Съешь столько, сколько можешь, я доем остальное. Я, правда, считаю, что лапша вышла очень вкусной.

Сюй Танчэнь ничего не ответил. Он опустил голову и быстро расправился со своей небольшой порцией.

Одна кастрюля лапши, большую часть которой съел И Чжэ, а оставшуюся — Сюй Танчэнь. Немного отдохнув, Сюй Танчэнь встал, чтобы прибраться, но И Чжэ схватил его за руки и остановил.

— Оставь, потом уберём.

«Потом уберём».

Потом уберём. А чем они будут заниматься сейчас, он уже прекрасно знал.

Должно быть, специально для этих целей в спальне был наведён порядок, который раньше здесь не наблюдался. Ещё более необычным было освещение — в комнате дополнительно стояли два торшера. Они излучали мягкий жёлтый свет, но в самом его центре прослеживались тонкие лучики красного.

— Ты...

Сюй Танчэнь не мог не остановиться у двери, отчасти от того, что его застали врасплох, отчасти от того, что потерял дар речи. На мгновение остался лишь его смех, когда он увидел комнату, специально обставленную в таком виде.

— Где ты этому научился?

Прежде чем он договорил, кто-то обнял его со спины. Нежный поцелуй коснулся его шеи, заставив ощутить покалывающее онемение.

— Из телесериалов.

Начав целовать его, И Чжэ больше не смог сдерживаться. На Сюй Танчэне была толстовка с круглым вырезом, и он чувствовал, что одна сторона воротника оказалась так сильно растянута, что ткань болталась где-то у его плеча. Потаённые мысли нахлынули на него, и внутри него забурлило возбуждение.

Пока его разум пребывал в тумане, его то ли втолкнули, то ли перетащили в комнату. И Чжэ что-то произнес, но Сюй Танчэнь плохо расслышал и только собирался переспросить, когда его ремень расстегнулся.

Только когда рука скользнула по линии его живота вниз и коснулась ещё более скрытой кожи, Сюй Танчэнь обрёл ясность ума. Даже не подумав, он схватил И Чжэ за запястье:

— Стой!

Черета поцелуев только что вскружила ему голову. Дыхание Сюй Танчэня было

беспорядочным, но он выдавил это слово.

И Чжэ был немного сбит с толку. Другая его рука напряглась, когда он притянул Сюй Танчэня поближе к себе, и спросил хриплым голосом:

— Что такое?

Кажется, это «что-то» было тяжело сказать вслух, но в то же время у него не было иного выбора, кроме как облечь «это» в слова. Рот Сюй Танчэня пару раз открывался и закрывался, прежде чем он ответил:

— Эта часть под запретом, — произнеся это, он поцеловал И Чжэ.

Внезапно почувствовав смущение, он прикоснулся лбом к плечу И Чжэ, спрятав своё лицо. Когда он продолжил, в его голосе уже слышалась насмешка:

— Я терпеть не могу, когда кто-то прикасается к моей заднице.

И Чжэ до сих пор не очень понимал, что происходит, но с объяснением он осознал, что было запрещено. Но вместе с этим пришло ещё большее недопонимание.

Если он не может касаться его задницы...

В чём было дело?

— П-почему? — Задав этот вопрос, он вдруг о чём-то подумал и насторожился: — А кто трогал её раньше?

Сюй Танчэнь, всё ещё пряча свое лицо, тихо усмехнулся:

— Просто... врачи. Иначе, почему, ты думаешь, я не хотел тогда делать укол? Я не против капельниц или уколов в руки, но с детства я понял, что не могу терпеть даже дезинфицирующих меня там медсестёр. Всё тело немеет и напрягается, поистине отвратительное чувство.

Психологическое сопротивление.

— В тот раз в больнице я не мог двигаться, поэтому не мог сопротивляться. Иначе этот удар не попал бы в цель.

Услышав об этом больше, И Чжэ всё понял, но понимание ещё не означало, что он знает, что

ему делать. Одному богу известно, как долго он размышлял, но ничто так и не натолкнуло его на мысли о том, что делать, если твой парень не дает тебе прикасаться к его заднице.

— Тогда... — он растерянно моргнул, глядя на подходящее для атмосферы освещение, и пробормотал: — Это будет довольно непросто.

Лежа на его плече, Сюй Танчэнь снова засмеялся.

Этот смешок ударил по ушам И Чжэ, будто боевые барабаны, пробуждая людские сердца перед битвой, каждым своим ударом спрашивают: «Чего ты ждёшь? Почему ещё не начал действовать?»

Рука И Чжэ дёрнулась, вырвавшись из хватки Сюй Танчэня и вернувшись к обнаженной талии. Он наклонил голову и поцеловал ухо Сюй Танчэня.

Это было невероятно возбуждающе, ведь это — единственное место, способное превратить звук поцелуя в рёв, захватывающий весь мир. Сюй Танчэнь не мог не выгнуть шею, но услышал, как И Чжэ прошептал ему на ухо:

—Танчэнь-гэ...

Опять заигрывает.

Сюй Танчэнь уклонился назад, избегая его, но И Чжэ тут же последовал за его движениями.

— Почему бы тебе не сделать это?

Целуя его, И Чжэ старательно размышлял и пришёл к такому выходу.

Сюй Танчэнь собрался с мыслями. Подумав о нижней части спины, постоянно болевшей без причины, он решил, что лучше откажется от этой затеи.

Он ничего не сказал. И Чжэ снова начал мягко нашёптывать его имя у него под ухом, настойчиво и не прекращая. Его голос был тихим и нежным, будто он не собирался замолкать, пока Сюй Танчэнь не согласится.

Сюй Танчэнь тоже не был терпеливым — одних поцелуев ему было недостаточно. Он глубоко вдохнул и вдруг отстранился, разделяя их губы.

— На самом деле, есть один вариант.

Может быть, это красный свет бросал на него тень, но И Чжэ заглянул в глаза Сюй Танчэня и заметил, что их уголки слегка покраснели. И взгляд в глубине этих глаз — учитывая то, что с ними было только что — казался совсем другим.

Другим, но он, кажется, уже видел его когда-то.

— Я ненавижу, когда её касаются другие люди, но...

И Чжэ слушал, и в то же время непрерывный поток мыслей вдруг совершил рывок. И сквозь яркие разноцветные мириады звёзд он, наконец-то, вспомнил, где видел эти глаза.

Та ночь, когда он перепил.

Там была не только нежность, но и отпечаток коварного соблазнения.

— Но я могу прикоснуться к ней сам. Я просто терпеть не могу, когда что-то касается меня там без моего контроля.

Прежде чем И Чжэ понял сказанное, Сюй Танчэнь уже вытянулся, чтобы схватить его руку и отнять её от своего тела.

Он мягко накрыл тыльную сторону его ладони. А затем взял её, направил к тому месту, к которому никому нельзя было прикоснуться.

Кто-то стал «испорченным» из-за снисходительности, а кто-то стал «жестоким» до опьянения.

<http://bllate.org/book/13101/1158730>